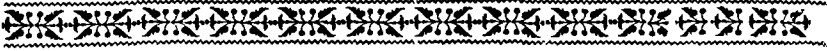

Заозерский Н. А. [Рец. на:] *Антоний [Вадковский], митр.*
Санкт-Петербургский и Ладожский. Издание высочайше
утвержденного общества распространения религиозно-нравственного
просвещения в духе Православной Церкви. Пг., 1915 // *Богословский*
вестник 1916. Т. 1. № 2. С. 338–355 (2-я пагин.).

КРИТИКА.

I.

Анто́ній митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій. Изданіе
Высочайше Утвержденнаго О-ва распространенія религиозно-нравствен-
наго просвѣщенія въ духѣ православной церкви. 1915. Стр. 1—290;
1—186. Ц. 2 р.

Въ краткомъ предисловіи авторъ, М. Б., говоритъ: „зная
святителя 24 года, мнѣ хотѣлось благодарно почтить память
моего духовнаго отца и руководителя и собрать любящей
рукой всѣ устныя преданія о немъ близкихъ родныхъ, уче-
никовъ и друзей, а также подѣлиться выдержками изъ его
глубоко назидательныхъ писемъ“.

Свѣдѣнія почерпнутыя изъ этихъ источниковъ авторъ
расположилъ въ хронологическомъ порядкѣ, придавъ форму
разказа о жизни митрополита Анто́нія со дня его рожденія
на свѣтъ, до кончины. Вся біографія такимъ методомъ со-
ставленная располагается въ 30 главахъ, иногда очень не-
большихъ по объему, напр. 1½ страницы. Простота построе-
нія, ясный, чистый языкъ, сжатый, благородный стиль, дѣ-
лаютъ чтеніе книги легкимъ для усвоенія а высокая цѣн-
ность содержанія, сообщаетъ разказу такой интересъ, что
начавъ чтеніе, уже не хочется прерывать его до конца.
На 290 страницѣ прекращается разказъ. Далѣе слѣдуетъ
приложеніе, содержащее „письма митрополита Анто́нія“.
Испытавъ во время чтенія разказа разнообразныя глубокія
переживанія, невольно привязываешься къ этому внѣшнему
поводу, чтобы остановить свое пассивное состояніе прико-
ваннаго къ разказчику слушателя и на свободѣ разобраться
въ массѣ усвоенныхъ и пережитыхъ впечатлѣній, полагая,
что далѣе уже ничего существенно новаго не встрѣтишь.

Вѣдь обыкновенно „приложенія“ нужны и интересны бываютъ только для провѣрки и разъясненія построеннаго на нихъ литературнаго произведенія, какъ на своемъ основаніи. Но здѣсь не то. Вниманію читателя предлежатъ не документы, а живая бесѣда челоуѣка съ его родителями, братьями, сестрами, друзьями, бесѣда интимная, конечно никогда не предназначавшаяся для печати. Почтенный издатель вводитъ читателя въ самое внутреннее святилище семейнаго и келейнаго очага митрополита Антонія. По этому и „приложеніе“ читается съ такими же захватывающимъ интересомъ и неослабѣвающей увлекательностью, какъ и рассказъ. Причина этого—привлекательная личность автора писемъ, жизнь, полная разнообразныхъ перемѣнъ во вѣшнемъ положеніи, то глубоко трагическихъ, то жизнерадостныхъ.

Характерною особенностью разсматриваемой книги служить то, что она занимается не столько изображеніемъ служебной и общественной дѣятельности митрополита Антонія, сколько его нравственною личностью, его домашнею обстановкою и частными отношеніями къ лицамъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній. Задача біографіи отвѣтить на вопросъ—что за челоуѣкъ былъ м. Антоній. Изъ простаго объективнаго пересказа о разныхъ моментахъ жизни митрополита Антонія, начиная съ момента его рожденія вырастаетъ цѣльный живой образъ челоуѣка, въ удивительной гармоніи сочетавшаго въ себѣ замѣчательный умъ, добрейшее сердце, тонкій вкусъ ко всему изящному и рѣдкое мужество въ добровольно избранномъ подвигѣ слѣдованія Христу, самоотверженія и служенія ближнимъ.

Беремъ на выдержку нѣкоторые пересказы. Гл. 1. Родители митрополита Антонія. Рожденіе его, дѣтство. Въ 1846 г. 3 Августа въ с. Царевки, Гремячки тожь, Кирсановскаго уѣзда, Тамбовской губ. у священника Василія Іовлевича Вадковскаго родился сынъ Александръ. Въ день его рожденія ждали пріѣзда помѣщика, желавшаго поговѣть въ Успенскомъ посту. Для почетнаго гостя всѣ засуетились съ уборкой дома; жена Василія Ольга Никифоровна занемогла и перешла изъ дома на погребницу. Здѣсь, какъ въ пещерѣ, появился на свѣтъ Божій мальчикъ Александръ. Онъ росъ кроткимъ, тихимъ, безконечно добрымъ ребенкомъ; рѣдко прималъ участіе въ играхъ, помогаль матери въ исполненіи домашнихъ работъ,

подметаль комнаты, обметаль потолоки, и Ольга Никифоровна называла его всегда своимъ помощникомъ. Часто маленькій Саша сидѣлъ возлѣ матери и говариваль утѣшая ее: „мы теперь бѣдны, но когда выросту большимъ и поступлю на должность, куплю Вамъ, мамаша, бархатную шубу и шелковое платье“.

Проидень былъ, довольно таки тернистый, путь образованія весьма успѣшно. Александръ Васильевичъ Вадковскій былъ оставленъ при Академіи въ званіи доцента, онъ занималь комнату въ квартирѣ одного изъ своихъ старшихъ сослуживцевъ, пользуясь за небольшую плату и столомъ. Эта на половину студенческая жизнь „нахлѣбника“, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стѣснительная для самостоятельнаго человѣка, не соответствовала домовитымъ наклонностямъ Ал. Вас. Посѣщая не рѣдко одного своего сослуживца и товарища по ученію, уже женатаго человѣка, онъ встрѣчался тамъ съ сестрой его жены. Это была дѣвушка дѣловитая, серьезная. Знакомство и взаимная симпатія завершились бракомъ. Черезъ два года по окончаніи курса А. В. женился и, несмотря на крайнюю скудость своего содержанія, зажилъ на глухой окраинѣ города счастливою жизнью скромнаго труженика духовной науки. Супруга А. В. Елизавета Дмитриевна была прекрасная женщина, добрая, умная и удивительно скромная. Она сердечно относилась къ роднымъ А. В. и горячо любила ихъ. Къ сожалѣнію, она отличалась слабостью здоровья и, еще невѣстой, предупреждала А. В., что прожить не болѣе 7—8 лѣтъ, на что онъ отвѣчалъ: „пусть эти годы будутъ наши“. И дѣйствительно Елизавета Дмитриевна часто хворала. А. В. говариваль: „хотя и существуетъ пословица, что мужъ любитъ жену здоровую, но вздоръ это. Если люблю, то и больную люблю. Прожили они душа въ душу семь лѣтъ“ (стр. 25).

Такъ шло время до 1879 года и никто, какъ и самъ А. В. не подозрѣваль, что въ жизни его готовится рѣшительный моментъ, поставившій его на другой путь. 3 декабря 1879 года скончалась его нѣжно любимая жена, оставивъ на его попеченіи двухъ малютокъ 6 и 4 лѣтъ. Трудно было молодому вдовцу слѣдить за ихъ воспитаніемъ. Дѣти обожали отца. Дѣвочка обращалась къ нему съ трогательными словами: „не бери, папа, другую маму; не будетъ она

любить насъ, и мы ее“. Боря высказывалъ желаніе, чтобы папа надѣлъ золотую шапку и золотое платье, какъ видѣлъ онъ въ церкви, когда отецъ водилъ его на архіерейскую службу. Дѣти молились утромъ и вечеромъ, молились о здравіи папы, родныхъ, няни; поминали за упокой маму и брата Игоря. Предъ сномъ А. В. приходилъ всегда ихъ благословить и проститься; безъ этого они не могли уснуть. Дѣти были необыкновенно добры, ласковы, сердечны; они казались ангелами, которымъ не суждено было долго оставаться на грѣшной землѣ. Боря видѣлъ однажды сонъ: ѣдутъ они съ папой на пароходѣ, подъѣзжаетъ другой пароходъ и беретъ его, Борю, затѣмъ Лиду, а „ты, папочка,— на пароходѣ прежнемъ остался“. (Стр. 26—27). 8-го Ноября 1882 года скончался Борисъ, а 15-го Лидія. Съ ихъ смертью кончилось для А. В. все, что привязывало его къ жизни. Въ день похоронъ Лидіи онъ писалъ своимъ родителямъ: „Кто дастъ очамъ моимъ слезы и сердцу моему воздыханіе. Угасъ свѣтъ очей моихъ, зашло мое красное солнышко, погнбло сокровище моего сердца, потерялъ я душу своей жизни... Дѣтей моихъ милыхъ, моего утѣшенія и отрады не стало. Доколя, Господи, прострешь Ты гнѣвъ свой на меня. Накажи, Господи, но и помилуй, пошли утѣшеніе скорбной душѣ моей. Велико и безмѣрно мое горе: подобно древнему страдальцу Іову я все потерялъ, но Господь еще милостивъ ко мнѣ, Онъ не наложилъ руку свою на кожу мою. Нѣтъ у меня болѣе словъ, текутъ только горькія слезы, кто ихъ отретъ?“ 3-го декабря того же года онъ писалъ своимъ родителямъ: „Господи, какъ тяжела моя потеря. Доселѣ каждый день, особенно по вечерамъ, плачу. Сознаю свое малодушіе, призываю на помощь всѣ силы разума, но растерзанное сердце скорбитъ и печалится. Дѣти были какъ бы продолженіемъ моего существованія. Эта была душа моей жизни. Съ ними я объединялъ всѣ свои мысли, всѣ свои чувства, для нихъ трудился, съ ними вмѣстѣ входилъ въ обсужденіе будущихъ плановъ жизни, съ ними вмѣстѣ молился, сиделъ за столъ, пилъ, читалъ, ходилъ, гулялъ... И все это исчезло какъ мечта, какъ сонъ. И хожу теперь одинокій съ горькими думами въ душѣ о своей несчастной судьбѣ. Господи зачѣмъ Ты взялъ у меня послѣднюю отраду, послѣднее мое утѣшеніе. У другихъ и дѣтей много, и жены у нихъ

есть, и рука Твоя не коснулась ихъ. Другіе живутъ въ бѣдности, не могутъ чѣмъ накормить дѣтей, и благословили бы Тебя, если бы Ты сократилъ ихъ семью, но ты не сдѣлалъ сего. Пути твои, Господи, кто исповѣсть. Не ропщу, да не будетъ сего, но только повѣдаю печаль сердца моего. Должно быть прогнѣвалъ я Господа своими тяжелыми грѣхами и Онъ зоветъ меня на молитву и на покаяніе. Учусь теперь снова молиться такъ, какъ я молился во дни юности моей. Особенно я любилъ, помнится, часто произносить слова псалма: „не остави мене, Господи, Боже мой, не отступи отъ мене“. Съ этими словами на устахъ я просыпался иногда ночью отъ крѣпкаго юношескаго сна. Видно предчувствовала душа моя, что ожидаютъ меня въ жизни великія скорби. И теперь не блѣе ли всего мнѣ слѣдуетъ молиться, чтобы Господь не оставилъ меня и не далъ мнѣ упасть въ бездну отчаянія? (стр. 30).

За этимъ первымъ крушеніемъ семейнаго корабля Александра Васильевича послѣдовалъ цовый путь его беззавѣтно труженической жизни, восхожденія отъ славы въ славу и великаго внутренняго, нравственнаго возрастанія.

Достопримѣчательною чертою церковнаго служенія профессора—монаха служитъ необыкновенно плодотворная *практическая* его дѣятельность, несмотря на *разнообразіе* служеній, на которыя назначался онъ церковною властью. Постриженіе въ монашество состоялось 4 Марта 1883 г., а 14 Ноября въ санѣ архимандрита онъ назначенъ былъ настоятелемъ Іоанновскаго монастыря. „Монастырь, прежде заброшенный, съ четырьмя, пятью убогими, дряхлыми отживающими свою жизнь монахами, въ короткое время сталъ неузнаваемъ и пришелъ въ цвѣтущее состояніе, благодаря неутомимымъ трудамъ архимандрита Антонія. Онъ входилъ во всѣ мелочи обители, держалъ себя просто, въ продолженіи полутора года своего управленія раздѣлялъ скудную трапезу съ братіей“ (стр. 42). И въ то же время онъ нисколько не ослаблялъ свою профессорскую дѣятельность. 1885 года въ Казани состоялся епископскій миссіонерскій соборъ, на которомъ архимандритъ Антоній назначенъ былъ *секретаремъ и докладчикомъ* собора. „Ровно, спокойно, дѣловито, съ присущимъ ему тактомъ и достоинствомъ велъ архимандритъ-профессоръ исполненіе сложныхъ обязанностей по возложенному на него

порученію и произвелъ на К. П. Побѣдоносцева, участвовавшего въ засѣданіяхъ собора—„чарующее впечатлѣніе“. Отъѣзжая изъ Казани, при прощаніи об. прокуроръ сказалъ архим. Антонію, чтобы онъ готовился къ перемѣщенію. Дѣйствительно, вскорѣ пришло извѣщеніе о назначеніи архимандрита Антонія на должность инспектора Петербургской Духовной Академіи“ (стр. 44).

„Для (академической) администраціи это было трудное время. Вводился въ дѣйствіе новый нежелательный уставъ 1884 года, считавшійся стѣснительнымъ и обиднымъ для профессоровъ и студентовъ. Проводникомъ этого устава въ С.-Петербургской Академіи довелось сдѣлаться о. Антонію. Переѣзжая въ С.П. на новое мѣсто служенія, о. Антоній не могъ надѣяться на особенно радушный пріемъ. Петербургская Академія не привыкла видѣть въ своей средѣ монаховъ-начальниковъ, а этотъ монахъ въ добавокъ былъ пришельцемъ отъвнѣ. Но о. Антоній, мягкій, деликатный, благородный и высокопросвѣщенный съумѣлъ скоро разсѣять предубѣжденія. Уже черезъ нѣсколько недѣль служенія онъ тѣсно, дружно сблизился съ профессорами и въ студенчествѣ нашелъ задушевную среду... Съ переѣздомъ въ столицу архимандрита Антонія захватилъ новый рядъ дѣятельности, окружилъ и новый рядъ лицъ. Здѣсь началась его видная административная дѣятельность. Здѣсь же постепенно стали отражаться въ этой дѣятельности тѣ взгляды, то міровоззрѣніе, которые вспоила и вскормила въ немъ родная мать—Казанская Академія,—тѣ убѣжденія, которыя сложились у идеалистовъ семидесятыхъ годовъ“ (стр. 53).

15 Апрѣля 1887 г. архимандритъ Антоній назначается ректоромъ Академіи, возводится въ санъ епископа Выборгскаго и дѣлается вторымъ викаріемъ С.-Петербургской митрополии.

„Весьма интересны характеръ управленія преосвященнаго Антонія ввѣренной ему Академіи и его „начальствованіе“ надъ студентами... Въ основу своихъ отношеній къ студентамъ, преосвященный однажды навсегда положилъ высокія христіанскія нравственныя начала, исключавшія всякій намекъ на „начальническій“ тонъ, всякія „репрессіи“, узкую внѣшнюю дисциплину. Идеальнымъ порядкомъ студенческой корпоративной жизни онъ считалъ тотъ порядокъ, при которомъ студенты сами, безъ всякихъ внѣшнихъ побужденій,

выполнивъ сознательно и убѣжденно исполняли бы свои прямыя обязанности и сами же строго слѣдили бы за соблюденіемъ условій студенческаго общежитія. „Тогда—говаривалъ преосвященный Антоній — излишни были бы и звонки, и контроль инспекціи, тогда двери всѣхъ комнатъ академическаго помѣщенія никогда бы не запирались“.

Въ студентѣ преосвящ. Антоніи прежде всего видѣлъ человѣка, самостоятельную личность; онъ уважалъ всѣ права этой нравственной личности, и въ то же время требовалъ отъ нея строгаго исполненія законныхъ обязанностей, налагаемыхъ на нее извѣстными принципами общественной жизни. Одною никакъ не могъ выносить онъ въ личности человѣка, это—сознательной лжи. „Все я готовъ простить своему студенту, но лжи никогда не могу забыть“, не разъ говорилъ онъ. Искренность и прямота самого преосвященнаго Антонія были необыкновенны: въ своихъ бесѣдахъ со студентами онъ всегда прямо, безъ всякой утайки, высказывалъ предъ ними то, что ему думалось и чувствовалось; онъ просто и довѣрчиво дѣлился со студентами своими личными впечатлѣніями и своимъ душевнымъ настроеніемъ. Какою теплою сердечностью и духомъ отеческой любви запечатлѣны были отношенія его къ семьѣ студентовъ Академіи видно изъ того, что онъ прямо называлъ ее своею родною семьей, замѣнившюю ему до извѣстной степени рано потерянную или собственную семью. Не разъ говорилъ онъ, обращаясь къ студентамъ: По волѣ Божіей я рано лишился жены и дѣтей, и вотъ съ той поры вы замѣнили мнѣ потерянную семью: вамъ, дѣти мои, я посвятилъ свои силы и жизнь; вы, лучшіе молодые люди изъ духовнаго міра, служите радостной утѣхой въ моей жизни“.

Пять лѣтъ продолжалось служеніе епископа Антонія въ должности ректора, а затѣмъ онъ получилъ новое назначеніе—архіепископомъ во вновь открытую Финляндскую епархію. Совсѣмъ новое призваніе, новая обстановка, новые люди. Однако же и здѣсь не смущается, не теряется; но скоро ориентируется и направляетъ всю свою духовную энергію на дѣло служенія Архіепископъ Антоній. „Край этотъ (Финляндія), какъ свидѣтельствуетъ всеподданнѣйшій отчетъ об.-прокурора за 1892 г., представляетъ мало благопріятныхъ условій для правильнаго теченія церковной жизни. Приходы

разбросаны на далекія разстоянія (60, 80, 230, 400, 600, 800 верстъ), церквей мало, школъ тоже почти нѣтъ. Православные живутъ среди лютеранъ и сектъ лютеранскаго направленія, часто не имѣютъ за дальностью прихода никакой возможности бывать за православнымъ богослуженіемъ, исполнять долгъ исповѣди. Православіе въ Финляндіи составляетъ маленькое зерно, громадное же большинство населенія—сплошь лютеране. Православные тамъ точно заброшенные сироты. Лютерапе относятся къ нимъ горделиво... Вызвать православное населеніе Финляндіи къ лучшей жизни, оживить и направить на настоящій путь ихъ церковную жизнь—и поставилъ своей задачей высокопреосвященный Антоній. Его желаніемъ было ихъ пригрѣть, просвѣтить, чтобы видя свѣтъ жизни православныхъ лютеране познали все превосходство православія предъ своимъ сухимъ и узкимъ религіознымъ ученіемъ... Въ видахъ лучшаго управленія краемъ онъ исходатайствовалъ учрежденіе въ Выборгѣ духовной консисторіи. Ежегодно онъ самъ обозрѣвалъ епархію. При обозрѣніи онъ всегда говорилъ народу поученіе и испытывалъ молодежь и дѣтей въ знаніи закона Божія. На сколько трудны и тяжелы были эти объѣзды, видно уже изъ того, что для посѣщенія въ 1895 году трехъ приходоу финляндской Кореліи въ теченіи двухъ дней пришлось только на лошадяхъ проѣхать 230 километровъ. Иногда, объѣзжая епархію, преосвященный, за невозможностью проѣхать на лошадахъ, ѣздилъ въ лодкѣ, одѣвая на голову башлыкъ; мѣстами было ѣхать крайне тяжело и опасно.

„Благодаря такимъ трудамъ и необычайной энергіи архіепископа дѣло православія въ Финляндіи быстро подвинулось впередъ, и поднялся православнорусскій духъ паствы. Умножилось и количество школы и храмовъ. Въ нѣсколько лѣтъ паства стала неузнаваемой. Православнымъ благовѣстомъ оживились даже самые глухіе уголки угрюмой Финляндіи. При архіепископѣ Антоніи въ Линтулѣ былъ основанъ женскій монастырь“ (стр. 116).

За время же управленія Финляндскою епархіею и *ученая дѣятельность* Архіепископа Антонія получила особенно важное приложеніе, доставившее ему громкую извѣстность. Въ это время онъ стоялъ во главѣ ученой комиссіи, которой поручено было обсудить старокатолическій вопросъ въ ви-

дахъ уясненія возможности соединенія восточной и западной церковей. Выработанные комиссіей отвѣты старокатоликамъ получили европейскую извѣстность, какъ чрезвычайно важный документъ новѣйшей церковной исторіи. Въмѣстѣ съ вопросомъ о воссоединеніи старокатоликовъ съ православною церковью возникло стремленіе къ сближенію съ православною церковію и англиканъ. Въ связи съ этимъ вопросомъ высокопреосвященный Антоній былъ назначенъ въ качествѣ представителя русской церкви въ Англіи по случаю шестидесятилѣтняго юбилея королевы Викторіи и совершилъ эту трудную миссію съ блистательнымъ успѣхомъ. Съ тѣхъ поръ популярность его за границей и особенно въ Англіи возросла до степени, никогда еще не достигавшейся русскими епископами (за исключеніемъ развѣ митрополита Филарета). Архіепископъ Антоній возвратился въ Россію съ докторскими степенями отъ знаменитѣйшихъ очаговъ англійской учености—университетовъ Оксфордскаго и Кембриджскаго и съ выраженіемъ горячихъ симпатій отъ многочисленныхъ его англійскихъ почитателей, которые выразили чувства своего уваженія къ дорогому гостю Англіи цѣннымъ подаркомъ въ видѣ коллекціи церковныхъ сосудовъ высокохудожественной работы (стр. 121).

Чертами высокаго нравственнаго характера обрисовывается служеніе Высокопреосвященнаго Антонія въ санѣ митрополита С.-Петербургскаго и первоприсутствующаго члена св. Синода. Къ тому же здѣсь—въ этомъ служеніи все оригинально, не отдѣлимо отъ личности Владыки и *ново*.

Широкая популярность, высота положенія, по естественному порядку вещей порождали должнаго рода искушеніе: поработить себя страсти высокоумія и отдаться въ покоѣ эгоистическому использованию занятаго прочнаго положенія. Но совсѣмъ не то встрѣчаемъ мы въ служеніи митрополита Антонія: глубокое искреннее смиреніе и поразительно энергическую дѣятельность, безъ сомнѣнія, сократившую жизнь Владыки быть можетъ на много лѣтъ.

„Онъ отличался безконечно добрымъ, золотымъ сердцемъ. Его широкая благотворительность не знала границъ. О ней никто не говорилъ, мало кто и зналъ. Даже у самого владыки лѣвая рука не знала, что дѣлала правая. Онъ помогалъ своимъ многочисленнымъ роднымъ, помогалъ учащейся

молодежи, помогать всѣмъ, кто къ нему обращался, и дѣланіе добра было для него наслажденіемъ. Самъ же отличался рѣдкимъ безсребренничествомъ. Скромность его была безгранична. Онъ ей никогда не измѣнялъ. Какъ трогательно и просто онъ относился, напримѣръ, къ своимъ бывшимъ школьнымъ товарищамъ по академіи и семинаріи, не смотря на то, что нѣкоторые не занимали виднаго положенія и были бѣдны; требовалъ, чтобы они говорили ему „ты“, какъ и прежде, помогать имъ, хлопоталъ за нихъ. Въ письмахъ къ нимъ подписывался: „твой школьный товарищъ Антоній“ (стр. 166).

Свято исполнялъ владыка завѣтъ Спасителя о посѣщеніи больныхъ. Когда въ дни страшной холерной эпидеміи все населеніе столицы было охвачено паническимъ ужасомъ, владыка-митрополитъ, какъ свѣтлый Ангелъ-хранитель, являлся въ больницы для утѣшенія и ободренія умирающихъ въ тяжелыхъ мученіяхъ“.

„Во дни Свѣтлой Седьмицы владыка посѣщалъ тюрьмы. Предъ нимъ раскрылись двери даже самыхъ страшныхъ казематовъ Шлиссельбургской крѣпости... Дадимъ здѣсь мѣсто разсказу молодого ученаго, оставленнаго при петербургской Академіи, а потомъ шлиссельбургскаго заточника „на вѣки“—Новорусскаго“¹⁾.

„Это было въ іюлѣ 1904 г. Мы были по прежнему изолированы отъ всего живого, и о самомъ фактѣ войны знали только контрабандой. Вдругъ, какъ снѣгъ на голову явилась старушка, княжна Марія Михайловна Дондукова-Корсакова, которая дружила съ митрополитомъ, а черезъ недѣлю и онъ самъ. Онъ попорядку заходилъ въ каждую камеру, дверь за нимъ притворяли, а къ оставленной щели корридорные и ихъ начальники прикладывали ухо.

Дошла очередь и до меня.

„Вотъ, Михаилъ Васильевичъ, гдѣ мы съ вами встрѣтились!“ Это была первая фраза послѣ того, какъ мы расцѣловались.

Въ пустой, сырой и мрачной камерѣ мы усѣлись рядомъ на двухъ табуретахъ. Онъ — въ простой, черной шерстяной

¹⁾ Этотъ узникъ былъ питомцемъ петербургской духовной Академіи въ бытность митрополита инспекторомъ ея.

рясь, а я—въ арестантскомъ видѣ. Я ждалъ, что встрѣчу что-нибудь вродѣ укора, или упрека за то, что я здѣсь. Ничуть не бывало. Ни въ словахъ, ни въ его тонѣ мое напряженное вниманіе не подмѣтило ничего подобнаго, глаза были подозрительно влажны. Но я не рѣшился бы сказать, относится ли эта слеза лично ко мнѣ, или она результатъ предыдущей бесѣды съ кѣмъ-нибудь изъ моихъ товарищей. Разговоръ былъ самый незначительный. Онъ спрашивалъ, что я подѣлываю, а я показывалъ ему различныя коллекціи, устройствомъ которыхъ я занимался въ текущей моментъ.

Прощаясь я сказалъ ему; что у меня было предчувствіе; я ждалъ, что онъ посѣтитъ насъ.

„Вотъ видите, Ваше предчувствіе и оправдалось. Я давно собирался, но раньше нельзя этого было сдѣлать“.

Послѣ такого визита кн. Дондукова-Корсакова стала убѣждать насъ, чтобы мы вошли въ переписку съ митрополитомъ и писали ему о своихъ нуждахъ. Ей поставили на видъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ это не осуществимо: вѣдь переписываться съ митрополитомъ сквозь жандармскую цензуру будетъ унизительно и для него самого.

Тогда митрополитъ испросилъ, гдѣ слѣдуетъ разрѣшеніе—получать отъ насъ закрытыя письма, о чемъ намъ официально было объявлено. Это было уже въ январѣ 1905 года“ (стр. 163).

На время служенія митрополита Антонія выпала великая эпоха, ознаменовавшаяся событіями потребовавшими отъ первостоятеля русской православной церкви особенно напряженной работы, чуткости и такта. Разумѣемъ — грозное выступленіе противъ православной церкви Льва Толстого, торжественное объявленіе свободы религіозной и политической и предуготовительныя работы къ созванію російскаго помѣстнаго собора.

Отозваться на эти событія великаго историческаго значенія, отозваться официально, отъ имени церкви православной и выпало на долю митрополита Антонія. И нельзя не признать, что его образъ дѣйствованія, его формулы, содержащія принципиальное рѣшеніе церковно-политическихъ вопросовъ таковы, что будутъ служить лучшими страницами въ исторіи нашей іерархіи.

„Толстовскій вопросъ, выдвинутый постановленіемъ Св.

Синода, разросся — по справедливымъ словамъ нашего біографа—въ цѣлую эпопею“ (стр. 218). По своему обыкновенію авторъ очень кратко изображаетъ эту эпопею: онъ ограничивается почти буквальною перепечаткою документовъ, ее изображающихъ. И однакоже, перечитывая въ настоящій разъ эти документы, чувствуешь полное нравственное удовлетвореніе.

Постановленіе Св. Синода объ отлученіи Л. Толстого по своей правдивости, ясности, простотѣ и силѣ есть въ точномъ смыслѣ соборное посланіе именно православной апостольской церкви, чуждое риторической напыщенности, громкихъ словъ анаеѣматствованій, характеризующихъ средне-вѣковое папство и даже Византію. Это посланіе есть вѣрный судебный приговоръ, вполне адекватный преступленію.

И смѣло можно утверждать, что если бы явилась возможность созвать вселенскій соборъ—онъ утвердилъ бы это посланіе нашего Св. Синода не измѣняя въ немъ ни іоты, ни черты. Конечно, не нужно большой юридической и канонической образованности и опытности, чтобы въ цѣломъ синодальномъ судопроизводствѣ не найти множество „поводовъ къ кассациі“: наивность нашего духовнаго процесса—фактъ общеизвѣстный; но тѣмъ ярче выступаетъ въ этой наивности жизненной правды—приговора и горькая для осужденнаго истина. Попытка указать на эти поводы и была сдѣлана въ дальѣ приложенныхъ документахъ — письмахъ супруги Толстого и его самого. И какъ легко и въ то же время сильно отстраняются эти попытки отвѣтными письмами митрополита Антонія, дышащими силою, благородствомъ и любовью! Эти письма вѣютъ духомъ вѣры и любви и еще сильнѣе сгущаютъ тонъ гордаго такого — крѣпостнически барственнаго духа Л. Толстого.

„Однажды бесѣдовалъ съ нимъ одинъ англійскій проповѣдникъ. убѣждалъ его глубже всмотрѣться въ свои заблужденія и обратиться къ Господу Иисусу Христу. Каковъ же былъ его ужасъ, когда, выслушавъ его горячую рѣчь, Толстой отвѣтилъ, что вотъ какъ онъ относится ко Христу: „если бы мнѣ сейчасъ сказали, что вонъ тамъ на дорожкѣ въ саду меня ждетъ Иисусъ, я бы спокойно посмотрѣлъ въ окно и черезъ человѣка попросилъ бы Его подождать, пока я не кончу интересной бесѣды съ вами“ (стр. 228).

Инициатива и исходъ Толстовскаго дѣла принадлежала всецѣло митрополиту Антонію.

Въ лицѣ митрополита Антонія православная іерархія нашла авторитетнаго представителя и энергическаго проводника великихъ началъ свободы совѣсти и независимости церкви отъ государственной опеки. Въ этомъ отношеніи митрополитъ Антоній занялъ рѣдкое высокое положеніе въ исторіи нашей іерархіи.

„Церковь не должна преслѣдовать и наказывать людей за переходъ въ другую вѣру, за перемѣну религиозныхъ убѣжденій. Для церкви нѣтъ понятія „преступленіе“, — есть понятіе „грѣха“, и нѣтъ наказанія, есть „исправленіе“.

„Если видишь брата, уклоняющагося отъ истины, проповѣдуй, обличай, увѣщай съ великимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ, но не прибѣгай къ насилію, не сажай въ тюрьму, не ссылай въ Сибирь, не подражай средневѣковой инквизиціи“ (стр. 241). Высочайшій указъ 12 дек. 1904 г. о предначертаніяхъ къ усовершенствованію государственнаго порядка“ въ пунктѣ 6 мѣ требовалъ расширеній вѣротерпимости. Митрополитъ Антоній былъ приглашенъ въ Комитетъ Мипистровъ. Тамъ онъ опредѣленно и вѣско заявлялъ о несовмѣстности съ духомъ церкви гоненій на суевѣріе и представилъ записку о желательныхъ преобразованіяхъ въ управленіи православною церковію. По его мнѣнію самой природѣ церкви чужды насильственныя мѣры, которыми сильно ослабляютъ ея внутреннюю силу“. Онъ считалъ необходимымъ вмѣстѣ съ освобожденіемъ духовенства отъ полицейской опеки надъ сектантствомъ освободить церковь и отъ излишней опеки свѣтской власти“ (стр. 241).

Но что особеннорѣзко и высоковыдѣляетъ митрополита Антонія изъ ряда ординарныхъ іерархическихъ и духовныхъ вообще лицъ—такъ это его церковноканоническій образъ мыслей.

Владыка былъ энергическій противникъ вмѣшательства духовенства въ область политики.

„Не служите никакимъ партіямъ. Пастырь долженъ быть выше ихъ. Вы суживаете свои задачи, которыя до необъятности широки. Значеніе политическихъ группъ временно. Сегодня побѣждаютъ однѣ, но завтра берутъ верхъ другія. Задачи священства вѣчны, идеалы христіанскаго міра незаменимы. Не унижайте ихъ“ (стр. 243).

Обычно спокойный и ровный, владыка Антоній вдругъ проявилъ необычную твердость духа, старался насколько возможно крѣпче взять въ свои руки руль церковнаго корабля и вопреки партійнымъ крикамъ, рѣшительно отсѣкалъ „политикановъ“, какъ справа, такъ и слѣва. Въ эти памятные годы владыка проявилъ мудрый тактъ и полную безпристрастность.

Онъ говорилъ: „Намъ, епископамъ, самимъ Богомъ вручено водительство людей божіихъ и пастырей церкви. На насъ лежитъ обѣтъ отвращать все противное правамъ власти“. Последнимъ выступленіемъ митрополита Антонія въ Синодѣ было слово противъ вовлеченія епископовъ въ думскую дѣятельность. Отрицательно высказываясь по вопросу о выборахъ въ Государственную Думу епископа Никона Кременецкаго, владыка оставался вѣренъ своему принципу, какому благородно служилъ всю жизнь, — „пастырь для церкви, а не для политической трибуны; увлекаться примѣрами другихъ странъ, странъ православной не слѣдуетъ“ (стр. 243).

Великая нравственность, личность, возносясь надъ современниками, пріобрѣтая искреннее поклоненіе людей добрыхъ, приводитъ въ озлобленіе нравственные низы и отсюда получаетъ себѣ терновый вѣнецъ — неизбѣжный спутникъ святости.

Много пришлось испытать крайне ѣдкихъ огорченій владыкѣ. Но онъ кротко и со смиреніемъ переносилъ выпавшій ему крестъ. И это его кроткое терпѣніе невольно преклоняло предъ нимъ его враговъ, по крайней мѣрѣ наиболѣе чуткихъ сердцемъ. Богатство внутренняго духовнаго опыта при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ жизни и высокой степени образованія поставило владыку на высшую ступень знаній и создало въ лицѣ его образъ архипастыря, обладавшаго всецѣлою покорностію волѣ Божіей, и христіанскою терпимостію къ людямъ. Отличительной чертой характера владыки было полное отсутствіе въ немъ искренности. Онъ пользовался огромнымъ вліяніемъ въ высшихъ сферахъ и при желаніи могъ бы направлять теченіе дѣлъ по своему усмотрѣнію, но никогда не пользовался этимъ вліяніемъ, подчиняясь всегда постановленіямъ Св. Синода. Въ чемъ только не обвиняли его? По поводу философскихъ собраній его обвиняли за рѣчи Розанова и Мережковскаго за общеніе

съ „еретиками“. За его попытки обновить устарѣвшія нормы брачнаго права, его упрекали въ неуваженіи къ канону; обвиняли за то, что онъ съ христіанскою любовію шелъ въ Шлиссельбургъ, брать на поруки Новорусскаго и т. д.“ (246 стр.).

„Борьба за истинное величіе православной церкви, отстаиваніе съ твердостью своихъ свѣтлыхъ животворныхъ убѣжденій, интриги враговъ явныхъ и затаенныхъ — все это, конечно, не могло не отразиться на здоровьѣ владыки-митрополита. Тяжелыя душевныя переживанія сломили крѣпкую натуру святителя. Въ 4 часа 35 м. утра 2 ноября 1912 г. святитель почилъ вѣчнымъ сномъ“ (стр. 254).

Такова была жизнь митрополита Антонія, исполненная удивительнаго разнообразія внѣшнихъ положеній и условій; и однако же во всемъ этомъ разнообразіи выступаетъ неизмѣнно тождественная нравственная личность. Черты нравственнаго характера митр. Антонія не поддавались напору внѣшнихъ вліяній. Особенно поразительно то, что по натурѣ склонный къ семейной жизни и уже вполнѣ зажившій ею, митрополитъ Антоній съ необыкновеннымъ мужествомъ перенесъ свою семейную катастрофу и остался попрежнему безконечно добрымъ, благодущнымъ человѣколюбомъ. Естественно напрашивались вопросы, какъ, какими средствами сдумѣлъ этотъ человѣкъ справиться съ полнымъ потрясеніемъ всего самаго существа и переродиться изъ нѣжнаго семьянина въ строгаго монаха и непримѣрно дѣятельнаго епископа?

Этотъ вопросъ разрѣшаетъ самъ м. Антоній въ своей интимной перепискѣ съ родными и друзьями. Понятно, какимъ глубокимъ жизненнымъ интересомъ отличаются его письма, раскрывающія этотъ тайникъ его души!

Въ 1883 г. 31 марта, будучи іеромонахомъ онъ писалъ своимъ родителямъ: „Что скажу о своемъ житьѣ-бытьѣ? Скучаю по временамъ совершеннымъ одиночествомъ, и часто тяжело продолжаю скорбѣть о потерѣ дѣтей“ (прил. стр. 14).

Въ слѣдующемъ году, въ санѣ архимандрита онъ писалъ: „Я чувствую себя точно мертвымъ. Ничто меня не радуешь, ничто меня не увлекаетъ, ничего мнѣ не жалко, не жалко даже самого себя. Въ душѣ у меня мертво, какъ въ пустынь, холодно, какъ въ могилѣ“ (стр. 21).

Въ 1887 г. изъ Петербурга, будучи ректоромъ академіи арх. Антоній писалъ: „со стороны высокопоставленныхъ лицъ я пользуюсь вниманіемъ, сослуживцы и студенты относятся ко мнѣ любовно и дружелюбно, такъ что по настоящему то мнѣ нужно благодарить Бога за незаслуженныя мной Его милости ко мнѣ, а я все охаю, и часто ропщу и жалуясь на свою несчастную судьбу“ (стр. 33).

Въ писемѣ отъ 1889 г. къ О. С. Л. архіепископъ Антоній пишетъ: „Прежде у меня часто болѣло сердце при возвращеніи откуда либо въ свою квартиру отъ сознанія того, что ѣдешь въ какое то безпріютное мѣсто. Теперь я радъ бываю, когда получаю освобожденіе отъ чуждой мнѣ суеты людской и пріѣзжаю домой. Остаться одному, самимъ съ собой, со своими мыслями и чувствами, безъ всякой помѣхи съ чьей либо стороны, теперь часто доставляютъ мнѣ истинное наслажденіе. Такъ мѣняются человѣческія настроенія и привычки“ (стр. 158).

Въ 1893 г. 28 марта онъ пишетъ: „Душа, живущая Христомъ, всегда мирна и радостна, въ какихъ бы условіяхъ земныхъ не суждено было ей существовать. Самое драгоценное во Христѣ—то, что Онъ есть жизнь. Жить же я разумѣю всегда съ предметомъ вѣчности и съ предметомъ радости. То не жизнь, что нынѣ есть, а завтра исчезаетъ, то не жизнь, гдѣ нѣтъ радости. Итакъ, если есть жизнь, то непременно жизнь вѣчная и радостная. А разумѣніе такой жизни и даетъ намъ Воскресшіи Христосъ“ (стр. 167). „Радостныя, духовныя настроенія я теперь чаще испытываю, чѣмъ настроенія грустныя. Было же время, когда тоскливое настроеніе, настроеніе сиротливое было у меня господствующимъ. Но Господь меня помиловалъ и далъ мнѣ радость. Радость Христова—лучшая въ мірѣ радость. Помолитесь за меня, чтобы Господь далъ мнѣ силы быть настоящимъ Его ученикомъ, не озирающимся вспять и не живущимъ по стихіямъ міра“ (стр. 168).

Изъ Пльинскаго (на Валаамѣ) скита онъ пишетъ: „Со мною совершается психическій переворотъ. Прежде я привольно чувствовалъ себя на людяхъ и страшился уединенія, какъ лишенія свободы, а теперь я чувствую, что свободу то и даетъ только уединеніе. Здѣсь кругомъ меня полный миръ, отсутствіе борьбы за существованіе.

На всѣхъ Валаамскихъ островахъ нѣтъ хищныхъ звѣрей. Тутъ есть олени.

Птицъ никто не трогаетъ и они не обнаруживаютъ большого страха или вражды къ людямъ.

Около меня столько хорошихъ людей, истинныхъ подвижниковъ, что невольно поддаешься покаянному настроенію и искреннему желанію стать и лучше, и чище“ (стр. 169).

Безъ всякихъ комментаріевъ приведенныя собственныя слова м. Антонія ясно указываютъ чѣмъ питалась душа его въ своихъ переживаніяхъ, изумительно разнообразныхъ, и что сообщало поразительную устойчивость этому „гуманнѣйшему изъ людей“; это — неослабное стремленіе „жизни во Христѣ“.

„Представленіе Государынѣ происходило—повѣствоваль въ одномъ изъ своихъ писемъ м. Антоній — и имѣло вполне оффиціальныя черты. Съ великими же княгинями я велъ продолжительныя бесѣды о разныхъ предметахъ, при чемъ свои мысли и взгляды выражалъ вполне откровенно и спокойно, точно какъ будто я бесѣдовалъ съ Вами. У меня совсѣмъ нѣтъ никакого страха. Я забываю въ разговорахъ оффиціальное положеніе собесѣдника и вижу въ немъ просто человѣка, что собственно и составляетъ наше единственно неотъемлемое преимущество, если только мы достойно носимъ это высокое, данное намъ Богомъ безъ всякихъ заслугъ съ нашей стороны, званіе“ (стр. 154 прилож.).

„Одинъ провинціальный старецъ-священникъ, случайно попавшій на пріемъ къ владыкѣ, былъ такъ очарованъ его пріятельностью, лаской, внимательностью, что тутъ же разрыдался отъ избытка благодарныхъ чувствъ и впоследствии не могъ говорить о немъ спокойно. Когда его спрашивали, что замѣчательнаго видѣлъ онъ въ столицѣ, онъ отвѣчалъ одно и то же: „митрополита Антонія, добрѣйшаго, ласковѣйшаго... который обнялъ меня, посадилъ рядомъ съ собою на диванъ и разспросилъ о всѣхъ мелочахъ моей жизни, а затѣмъ и существенно помогъ совѣтомъ и дѣломъ... Ничего подобнаго я не видѣлъ на своемъ вѣку, настойчиво говорилъ старецъ“ (стр. 184).

Пора, однако же, закончить свою рецензію, или лучше сказать свои выписки изъ рецензируемой книги. Эти выписки — лучшая ея реклама. Скажемъ вообще, книга такъ